

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34

С. Д. Бодрунов

Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте (Санкт-Петербург, РФ)

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОТКРЫТАЯ ПРОБЛЕМА: ПОДХОД НООНОМИКИ КАК МЕТАТЕОРИИ¹

Аннотация: дается развернутое представление о феномене творчества как элементе экономического и шире – социофилософского исследования. Проводится сопоставительный анализ ноономики и «ментальной экономики» А. Фримана. Подчеркивается принципиальная разница между ноономикой и экономикой ментальных объектов как по объему, так и по содержанию. Показана ключевая роль человека как носителя творческого потенциала при переходе на качественно новый уровень технологического развития, социально-экономических отношений и институтов. В теории ноономики знаниеинтенсивное индустриальное материальное производство характеризуется как самодействующая система под контролем человека. Самомотивация становится важнейшей чертой творческого потенциала. Труд как экономический феномен и элемент производства трансформируется в деятельность – так осуществляется переход к постэкономическому способу удовлетворения общественных потребностей, из которого рождается новая постэкономическая реальность – пространство ноономики.

Ключевые слова: ноономика, метазнание, ментальная экономика, потребности, экономические проблемы, индустриальное материальное производство, творчество, самомотивация.

Для цитирования: Бодрунов С. Д. (2023). Творческая деятельность как открытая проблема: подход ноономики как метатеории // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 1, С. 25–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

CREATIVE ACTIVITY AS AN OPEN PROBLEM: NOONOMY APPROACH AS A METATHEORY

Abstract: The paper gives a detailed idea about the phenomenon of creativity as an element of economic and, more broadly, socio-philosophical research. A comparative analysis of noonomy and the concept of "mental economy" by A. Freeman is carried out. The author emphasizes the fundamental difference between noonomy and the economy of mental objects both in terms

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на международном научном семинаре Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по теме «Генезис ноономики: Знания. Ментальные объекты. Креативность» (05.04.2023).

of volume and content. The key role of a person as a carrier of creative potential during the transition to a qualitatively new level of technological development, socio-economic relations and institutions is shown. In the theory of noonomy, knowledge-intensive industrial material production is characterized as a self-acting system under human control. Self-motivation becomes the essential feature of creativity. Labor as an economic phenomenon and an element of production is transformed into activity – this is how the transition to a post-economic way of meeting social needs is carried out, from which a new post-economic reality is born – the space for noonomy.

Keywords: noonomy, metaknowledge, mental economy, needs, economic problems, industrial material production, creativity, self-motivation.

For citation: Bodrunov S. D. (2023). Creative Activity as an Open Problem: Noonomy Approach as a Metatheory. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 2, no. 1, pp. 25–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34

博德鲁诺夫 S. D.

维捷新兴工业发展研究所 (俄罗斯, 圣彼得堡)

尚需进一步研究的创造性活动 与作为元理论的智慧经济学方法

摘要: 文章阐述了创造性活动不只是经济学还是社会哲学的研究对象。作者把智慧经济学的基本思想和观点与弗里曼 A. 的进一步发展的心理经济学进行了比较分析, 论证了智慧经济与“心理对象”经济二者之间在对象和范围方面存在着原则性区别。文章指出, 在向实质上新的科技水平、社会经济关系和制度迈进过程中, 人作为创造能力的载体开始发挥关键作用。文章着重强调了在智慧经济理论中, 人控制之下的自动系统是知识密度高的工业化物质生产的特点。自我激励成为人的创造力的主要特征。作为经济现象和生产要素的劳动, 转化为认识活动。以此过程中实现向满足社会需求的新的后经济方式过渡, 正式在这个过程中产生新的后商品经济环境, 即智慧经济环境。

关键词: 智慧经济、元知识、心理经济学、需求、经济问题、工业化物质生产、创造、自我激励。

引用注释: 博德鲁诺夫 S. D. (2023). 尚需进一步研究的创造性活动与作为元理论的智慧经济学方法//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. vol. 2, no. 1, pp. 25–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-25-34

Феномен творчества – сложнейшая проблема, над решением которой человечество бьется на протяжении тысячелетий. Его исследованию посвящены работы философов, психологов, теологов, экономистов. В задачи нашего исследования не входит анализ всего этого наследия. Предметом станет, на первый взгляд, более узкая проблема, о которой говорит наш коллега Алан Фриман. Это – *экономический* взгляд на творчество, приближенный к реальным проблемам рыночной экономики. В то же время спектр наук, рассматривающих этот феномен, подчеркивает необходимость его исследования

не только узконаправленными методами, но и комплексно, в рамках метатеоретического подхода.

Первый аспект – *творчество как феномен рыночной экономики* в современной литературе рассматривается преимущественно через призму довольно скучных и тривиальных вопросов *креативного бизнеса и креативных индустрий*, в центре которых сферы, относимые к таковым в международной статистике. Это – многообразие сфер шоу-бизнеса, индустрии моды, игр, дизайна и т. п.

Достаточна ли такая постановка вопроса? Думается, что нет. Даже не обращаясь к фундаментальным проблемам метатеоретического дискурса, в котором должно рассматривать феномен творчества, и оставаясь на уровне анализа практик, мы обязаны зафиксировать, что наиболее массовыми сферами, в которых *труд* может носить (и отчасти носит) *творческий характер*, являются не только искусство (к тому же в его рыночном сегменте), но и наука, образование и производство (в той мере, в какой оно становится знаниеемким в рамках перехода к НИО.2). И это – как минимум. Данный аспект анализа важен, и мы к нему вернемся.

Эта тема отдельно развивается на ежегодных конгрессах «Производство, наука, образование», посвященных исследованию проблем развития и интеграции производства, науки и образования, где анализируется потенциал этих сфер как подпространств творческой деятельности. Одновременно подчеркивается, что в условиях господства неолиберальной модели капитализма их творческая природа *деформируется* процессами коммерциализации и бюрократизации. Но и это не все. Человек – творец, демиург, креатор по своей природе, и вся его деятельность неразрывно связана с творением. В том числе – экономическая, где оно присутствует в разных пропорциях в различных сферах, вплоть до тех, где оно занимает основное место.

Один из признанных лидеров в социологическом исследовании феномена творчества Ричард Флорида в серии работ, посвященных исследованию «креативного класса», показал, что пространство жизнедеятельности этого класса в развитых странах составляет порядка 40 % занятых.

Но творческая деятельность даже в экономике не сводится к «креативным индустриям». Алан Фриман, по сути, также не сводит проблему творчества в экономике к этим «креативным индустриям». Хотя отметим, исследованию теоретических и практических проблем последних он посвятил немало сил, получил значимые результаты, причем не только научные (отметим работу нашего коллеги в качестве советника правительства Большого Лондона по этим вопросам, что говорит о его глубоком знании предмета).

Сделанные выше ремарки важны. Почему? Потому, что *феномен творчества* в современной экономике – это не экзотика, а *центральный вопрос будущего развития производства и общества*.

Выше упоминалось, что современное производство становится *знаниеемким*. Но что имплементирует знания в производство? Творческая деятельность.

Во-первых, творчество в процессе *создания технологий самого производства, создания знаниеемкого производства* – это и НИОКР, и ноу-хау, и прежде всего – фундаментальная наука; во-вторых, творчество есть *непременный компонент процесса управления знаниеемким производством*; в-третьих, творчество непосредственно в процессе производства как *труд* высококвалифицированных, *обладающих знанием* предмета и *знанием использования знания*, т. е. *креативным потенциалом*, специалистов.

Это важнейшее наблюдение есть и во взглядах профессора Фримана. Говоря о творческом продукте, он отмечает, что его «отличительной особенностью ... является *квалифицированный* характер задействованной в его создании работы». И тут же добавляет: «Вот откуда возникает добавленная стоимость...». Таким образом, профессор Фриман фактически признает *связность творческого и знаниевого компонент труда* – с возрастанием одной растет и другая, а с деградацией объема знания, задействованного в труде при производстве продукта, снижается и творческий элемент трудового процесса.

И здесь нет противоречия с понятиями знаниеемкого продукта, знаниеинтенсивного производства, где снижается количество труда, поскольку мы говорим о труде исключительно как об особом компоненте производства – труде человека. Машина, заменяющая труд человека, не заменяет труд *как вид деятельности*, а лишь *замещает* труд человека – работой технического устройства. Тем самым мы четко отделяем труд человека от замещающей его работы механических устройств: первый содержит творческий элемент, второй – нет.

«А что, – скажут оппоненты, – разве в других сферах деятельности человека нет места творчеству?» Об этом пишет и Фриман. Безусловно, есть. Но именно развитие *индустриальное*, материального производства, переход к технологиям более высоких укладов, *повышающим знаниеемкость* общественного производства и *обеспечивающим возрастание роли знания как фактора производства*, становящегося *основным* его фактором (!), основным ресурсом, является базовым *отличительным признаком* нового качества индустрии эпохи НИО.2. При этом творческий процесс не просто неотделим от процесса открытия, переработки, имплементации знания в технологии и другие компоненты производства, в том числе в труд, – оно, *творчество*, и *есть созидание, осознание и освоение нового знания, метазнания* – именно эти процессы становятся основными факторами повышения доли *креативной индустрии* в современной экономике.

Для разъяснения нашей позиции по вопросу применения знаний в производстве сделаем одну ремарку. Профессор Фриман в одной из статей пишет: «Подводя итог, отметим, что знание не “применяется” в качестве внешнего фактора к процессу производства, но еще до начала производства является “встроенным” в материалы, инструменты и объединяющий их труд. Поэтому Бодрунов приближается к истинному положению дел, когда пишет, что сегодня развитие техносферы обусловлено не орудиями производства и их квалифицированным применением, а силой знания, которое включено в эти инструменты и лежит в основе способности применять их и повышать эффективность производства.

Ему только надо было убрать слово “сегодня”. То, что меняется в современной экономике, – это не существование ментального содержания и не “добавление” чего-то, что на самом деле всегда было там, а тот способ, которым это ментальное содержание соотносится с производством» [Фриман, 2021, с. 214–215].

Странно, что Алан Фриман упрекает меня в том, что я неоднократно декларировал. Более того, посмотрите на «крест Бодрунова» – он именно об этом! Другое дело, что я всегда подчеркивал то, что упустил профессор Фриман (как и многие другие исследователи): взгляд на индустриальное развитие на основе смены технологических укладов или «парадигм развития» (по К. Перес) приводит к вопросу – а что является их границей, новым качеством и т.д.?

Нынешний этап – переходный, и хотя Знание – неотъемлемая часть всех компонент производства, оно *есть «там»*, и так было *всегда*, более того, доля знаний (и творческой

компоненты) *постоянно росла*, но именно *сейчас* Знание становится тем самым *основным фактором* развития производства и именно оно, а не наличие сырья, материалов, энергии и т. п., действительно *сейчас* начинает превалировать в этом развитии. Отсюда – заметное возрастание роли творческого элемента в труде, отсюда – и в экономике. Рост – был *всегда*. Скачок роста – *сегодня*, сейчас, на нынешнем этапе. Именно это подчеркивается.

Таким образом, мы абсолютно сходимся с профессором Фриманом во мнениях по этому вопросу, как и по ряду других, где он также по-своему трактует идеи ноономики. А по поводу его критики моих представлений, которые он почерпнул из того относительно небольшого количества материала, представленного в «Ноономике», скажу: проблема либо в недостаточной развернутости тезисов в самой книге, либо в нюансах перевода, либо в «разбросе» моих тезисов по нескольким сотням статей и десяткам других работ. Критику я с благодарностью принимаю – сам виноват; пора, как советует профессор А. В. Бузгалин, писать большую книгу, систематизировать все аспекты теории ноономики, по возможности устранить лакуны и неясные формулировки.

Еще одна цитата из Фримана. Критикуя постиндустриалистов, он пишет: «...незаменимый машинами труд не означает “труд без машин”, это – новые отношения с машинами в самом широком смысле слова». Замечательное наблюдение! Единственная ремарка: господа постиндустриалисты имеют в виду «постиндустриальное» общество, полагая, что оно останется экономическим. Мы же в теории ноономики убедительно доказываем, что общественное развитие, идя по пути достижения *нового качества* индустрии, в том числе – постепенного снижения доли *труда человека* (в политэкономическом понимании) в общественном производстве, с одновременным *качественным* преобразованием *характера труда* в знаниеинтенсивный и преимущественно творческий, переходящий в *деятельность, не являющуюся трудом*, продвигается к постэкономическому, неэкономическому обществу, остающемуся индустриальным по способу обеспечения потребностей человека, но – на основе *осознанного* творческого и квалифицированного участия человека в контроле и развитии индустриального процесса (т. е. на основе тех самых «особых отношений с машинами», о которых говорит наш коллега профессор Фриман, называя такой процесс не концом индустрии, а новым типом индустрии).

Концептуальное обобщение в теории ноономики этих глубоких изменений, затрагивающих все сферы жизнедеятельности общества в условиях развития высоких технологий и перехода от *репродуктивного труда* к преимущественно *творческой деятельности* (изменений не только в производстве, науке, образовании и т. д., но и в социально-экономических отношениях, институтах, культуре), мы с вами сегодня и наблюдаем. В ИНИРе более 10 лет назад в качестве концептуального обобщения происходящих изменений была предложена теория Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2).

Теория НИО.2 дала ответы на вопросы, которые ставит развитие высоких технологий, частично затронув проблему места и роли в этом процессе творческого труда. Однако, она *недостаточна* для ответа на многие более масштабные вызовы теории и практики. Мы имеем в виду вызовы, связанные в том числе с феноменом творчества как предметом не только и не столько *экономического*, сколько *социофилософского* исследования.

Вернемся к идеям Алана Фримана и его фундаментальным работам по проблеме творчества. В данном случае заострим внимание на двух очень важных характеристиках креативности, которые дает наш коллега: 1 – на характеристике творчества как «немаши-

низируемой деятельности»; 2 – на деятельности, в которой присутствуют «ментальные объекты».

Признавая глубину представления феномена творчества с точки зрения этих дефиниций, хотелось бы дать свое видение. Первая характеристика вызывает наименьшие возражения. Действительно, со времен Карла Маркса и его коллег, а может быть, и раньше, едва ли не с размышлений Леонардо да Винчи, известно, что будущее общество должно достигнуть такого уровня развития, когда машины будут выполнять все функции репродуктивного, не-творческого труда, а человек будет развиваться в пространстве «царства свободы», лежащем, по словам Маркса, «по ту сторону собственно материального производства». Конечно, мы это принимаем. В теории ноономики мы говорим о *самодействующей индустриальной системе* под контролем человека.

Однако, взглянем на проблему творчества шире: если творчество – это «немашинизируемый» труд, то он должен обладать некими атрибутами, качественно отличающими его от «машинизируемого» труда. Какими именно? Не предвосхищая анализа понятия «ментальные объекты», заметим: в работах наших и зарубежных философов, социологов, экономистов второй половины XX в. отмечается *самотивация* – как важнейшая черта творческого труда. Мотивацией к труду в пространстве творчества является *сам труд* – труд как таковой становится *потребностью*. Более того, в *неэкономическом* обществе, где материальной базой удовлетворения потребностей станет самодействующая производственная система и где *труд как экономический феномен и элемент производства трансформируется в деятельность*, а *творческий труд – в творческую деятельность, самотивация станет единственной мотивацией такой деятельности*.

Эта характеристика переворачивает, сбрасывает с шахматной доски истории всю привычную аксиоматику современной экономической науки, во всяком случае, ее неоклассической версии – мейнстрима. Напомним, что в рамках последнего (за редким исключением специально оговариваемым в рамках поведенческой экономики) труд является *обременением*, а *ценностью являются деньги*. В рассматриваемом нами случае (постепенного продвижения к «умному» производству и творческой деятельности как доминирующей) все изменяется: труд – все более творческий и постепенно теряющий экономический смысл, переходя в нетрудовую творческую деятельность! – становится все более *неэкономической* потребностью творить, а утилитарные блага – средством развития человека как человека творческого, человека культурного. Так осуществляется переход к новому, постэкономическому способу удовлетворения потребностей, и именно из этого рождается новая *постэкономическая реальность*. Так мы переходим в пространство *генезиса ноономики* – качественно нового мира, в котором на смену экономическому приходит *постэкономический способ бытия* человека.

Мы посвятили разработке и развитию концепции ноономики много лет, нами и многими коллегами опубликованы сотни статей и масса книг на разных языках, и мы не раз обсуждали ее идеи на нашем семинаре. Более того, наш коллега и добрый друг профессор Алан Фриман является одним из авторов нашей с ним и с профессором Радикой Десаи совместной книги [Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022]. Не останавливаясь на детальном раскрытии базовых идей теории ноономики, перейдем к подробному анализу тех *феноменов и категорий*, о которых пишет и говорит наш коллега и которые в свете теории ноономики получают *новое звучание*. Этот анализ во многом дополняет нашу совместную книгу, и сегодняшняя дискуссия может войти в ее второе издание.

Прежде всего, остановимся на понятии «немашинизируемый труд». Такое определение творческой деятельности, на наш взгляд, весьма «продуктивно» для характеристики этого специфического типа трудовой деятельности в *экономическом* обществе. Оно перекликается с классическими определениями творческого труда в работах ученых XX в. и даже с характеристиками мира будущего в Программе построения материальной базы коммунизма, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г., а также с многочисленными «презентациями» этого мира в работах советских писателей-футурологов, в первую очередь известного ученого, профессора Ивана Ефремова. Оно уместно в свете идей большого ученого Кристофера Фримана (отца Алана) – одного из столпов науки (наряду с Шумпетером, Шмиттом, Кондратьевым, Джоном Гэлбрейтом и Сергеем Глазьевым), чьи идеи легли в *фундамент теории ноономики*. Наконец, это понятие созвучно тем характеристикам производства, основанного на высоких технологиях, которые дают ученые XXI в.

Мы в ИНИРе склонны говорить об этом, используя термин *умное производство*, в котором *определяющую* роль играют знания; говорить о *знаниенасыщенном* производстве *знаниеемкого* продукта как неотъемлемом атрибуте нового индустриального общества второго поколения. Это – не вопросы вкуса и выбора терминов: задача замещения труда человека машинным с одновременным возрастанием роли и доли труда «немашинизируемого» решается *только как следствие перехода к НИО*.² во всем богатстве его характеристик – и никак иначе. И именно выбором термина *знаниеемкое производство* мы даем не просто расширительное понимание такого типа труда как *творческого процесса* в ходе *процесса индустриального*, но связываем воедино основные факторы, обеспечивающие этот процесс: знания, процесс их освоения и имплементации, и – главное: «перетекание» творческого элемента деятельности в *машинизируемый*!

Дело в том, что творчество как феномен имеет особое «овеществление», «проявление» в бытии человека. С этим, как мы понимаем, согласен и профессор Фриман, говоря о *материализации ментальных объектов*.

Творческий процесс – *немашинизируем*. Мы (в ИНИРе) придерживаемся этой точки зрения, в отличие от тех, кто уже сегодня готов утверждать, что искусственный интеллект способен быть творцом! Но творческий труд позволяет создавать вполне *нетворческий* продукт. Более того, *любой продукт – изначально результат творческого акта*, цепочки творческих актов, творческого процесса, направленного на преобразование действительности. А далее этот процесс создания продукта, его масштабирования в своем развитии становится *машинизируемым*. Мимоходом заметим, что машина не есть творение Божие, но – творение человека, результат материального воплощения того же творческого акта!.. Существует неуловимая грань, порог, перейдя который, *немашинизируемый* творческий процесс *перетекает* в *машинизируемый*.

Надо хорошо знать производство (и здесь мы снова отошлем коллег к наследию К. Фримана): любая инновация как результат творческого освоения действительности постепенно, с развитием технологий и иных производственных процессов (опять же – через творческое постижение этой реальности), *машинизируется*, но – открывая тем самым человеку новое пространство для *постижения нового знания и нового акта творчества*.

В связи с этим обсудим понятие *ментальный объект*, которому в работах Алана Фримана придается большое значение, равно как и феномену (и соответствующему понятию)

ментальной экономики. Более того, в наших диалогах Алан предлагал мне использовать его вместо понятия *ноономика*, поскольку в обоих случаях речь – о разуме.

Согласны, в основе данных понятий лежит ноопредставление о бытии и деятельности человека, о преобразовании окружающего его мира через знание. Однако, ментальная экономика и ноономика – *существенно различны*, они не совпадают ни по *содержанию*, ни по *объему*.

Феномен *ментальный объект* во многом остается не строго определенным. Профессор Фриман определяет его как «...воспроизводимую сущность, проявляющуюся в различных физических формах, с распознаваемой самобытностью, не зависящей от этих физических форм», и притом «...физическая форма ментального объекта может преобразовываться из одного вида в другой», а сам «ментальный объект становится частью бытия формы» [Фриман, 2021, с. 209].

Таким образом, *ментальный объект* – это некий продукт разума, если хотите – результат творческого акта, существующий в пространстве разума, и, как можно предположить, трансформирующийся в другие объекты, имеющие предметное бытие в процессе деятельности человека. Во всяком случае это понятие можно так интерпретировать на языке социальной философии. Данное понятие фиксирует некую важную сторону творческой деятельности, вероятно, – ее результат, в некотором роде. Но оно вряд ли может претендовать на роль системного качества творческой деятельности, которая не сводится к «производству ментальных объектов». Кроме того, ментальный объект не является, как мы понимаем, даже безусловным атрибутом творческой деятельности, творчества как феномена.

Подчеркнем, мы исходим из примата производства, из качественных изменений в его содержании вследствие роста его знаниеемкости, а не из некоторых свойств человеческого разума, способного творить и генерировать «ментальные объекты», и не из соответствующих изменений в содержании труда, который есть лишь одно из многих слагаемых процесса общественного производства, а само *изменение его содержания* есть лишь *следствие роста его знаниеемкости*. Поэтому мы согласны с тем, что термин «ментальный объект» весьма полезен для исследования феномена творческой деятельности, а исследование данного феномена полезно для исследования качественных изменений социума, которые мы ныне переживаем. Но *целостная характеристика* этих изменений *не может быть сведена* ни к одному из этих понятий, ни к ментальным объектам, ни к творческой деятельности.

Требуется *комплексная характеристика*, объединяющая в *систему* различные стороны и аспекты переживаемых трансформаций. Именно такой подход, такую метатеорию мы обсуждаем, выдвигая концепцию *генезиса ноономики* на базе развития нового индустриального общества второго поколения, что позволяет концептуализировать и обобщить частные характеристики изменений, описываемых в работах отечественных и зарубежных ученых, включая труды профессора Фримана.

Отметим, что наш уважаемый коллега из Китая, Президент WAPE и член Китайской академии наук профессор Чен Эньфу в нашей общей книге «А(О)нтология ноономики» [Эньфу Чен, Сиян Гао, 2021] прямо сказал, что разрабатываемая им с китайскими коллегами «Концепция *интеллектуальной экономики*», основу которой составляет идея интеллектуализации и повышения творческого уровня труда, *входит в идейный каркас теории ноономики*.

Тем более мы не можем согласиться с отождествлением понятий *ментальная экономика* и *ноономика*. Во-первых, ноономика – это уже *не экономика*, это – *постэкономический* способ

удовлетворения общественных потребностей. Во-вторых, ноономика – это *умная номика*. Это – не просто постэкономический мир, в котором изменяются все существующие стороны общественного бытия. Мы только что отметили, что в нем изменяется производство, которое становится знаниеемким. Но главное – *изменяется и человек*, превращаясь из человека экономического в человека культурного, человека творческого – творца. Человечество в целом движется от ЗОО- к НОО-эре [Бодрунов, 2018]. А эта эра, в том числе – и эра творчества, бесконечного творчества – на базе бесконечного Знания. В-третьих, эти трансформации обуславливают *изменения в системе общественных отношений и институтов*, опосредующие переход к постэкономической реальности.

Генезис ноономики предполагает единство четырех процессов: *технологического прогресса, диффузии собственности, социализации экономики и общества, прогресса солидаризма*. Эта «квадрига ноономики» предполагает в процессе продвижения ее элементов *наличие феноменов*, о которых мы сегодня говорили, но она принципиально *не может быть сведена* к прогрессу немашинизируемого труда и экономике ментальных объектов.

Характеристику принципиальных отличий можно продолжить, но в данном случае важно подчеркнуть, что концепция перехода к НИО.2 и дальнейшего продвижения к ноономике – не академическая игра в понятия, а *теоретическое отображение глобального выбора человечества* между НОО и ЗОО. И этот выбор является не умозрительным, а сугубо практическим. Мировой финансовый и экономический кризис 2008–2010 гг., пандемия Ковид-19, обострение сверх обычного политических конфликтов, эскалация геополитэкономических процессов, фундаментально исследованных профессором Р. Десаи, – все это ставит нас на грань выживания. Цивилизация подходит к переломной точке своего развития, точке бифуркации, о которой мы говорили много лет назад. И выбрать позитивное развитие, а не хаос и регресс, можно лишь имея целостную научную картину объективных трендов прогресса.

На наш взгляд, концепция ноономики, различные аспекты которой мы обсуждаем, может дать такую объективную картину. И я искренне благодарен всем, кто вносит в эту картину свою лепту, свои краски!

Список источников

- Бодрунов С. Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С. Д. (2018). От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. № 7. С. 109–118.
- Бодрунов С.Д., Десаи Р., Фриман А. (2022). По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия: монография. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 368 с.
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 207–265.
- Эньфу Чен, Сиян Гао (2021). Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 178–203.

References

- Bodrunov S. D. (2018). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution. *Voprosy Filosofii* [The Questions of Philosophy]. Vol. 7. Pp. 109–118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0 (In Russ.).
- Bodrunov S.D., Desai R., Freeman A. (2022). On the other side of the global crisis: Noonomy, creativity, geopolitical economy. Monograph. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development. 368 p. (In Russ.).
- Friman A. (2021). Mental Objects as a Productive Force: Towards a Critique of Noonomy. In: *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskie, social'nye i gumanitarnye posledstviya*. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 207–265 (In Russ.).
- Cheng Enfu, Gao Siyang (2021). Knowledge-Based Economy as a form of noonomy and its socio-economic impact. In: *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskie, social'nye i gumanitarnye posledstviya*. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 178–206 (In Russ.).

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Commission of the Union of Economists, President of the Free Economic Society of Russia, (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru